

КІЕВСЬКЕ СЛОВО.

умишеними, які в нім по-людськи уміли, брали на себе життя і були задержані городом і починати сторони. Один з них опався нещасливо перед двірським асистентом і квартирою Алексієм Прібішом, а другий — Іваном Каренком, пролітаючи по Пузирській улиці, на довж. № 60. Обидва заклали сади. Стояли у зорішній мить — десь 50 рублів.

— **Милосердя.** 17 октября міщанин Фадіа Труш і крестянин Памел Младенцев явилися в живущому на Куренній Мислив Кобу в об'язанні, що його родичем Архаліа Кобець — вистрелив. Крестянин Василь Кобець вивів, недовіряючи правдивості цього звіддів, то прирешив показати йому те саме письмо, которое оставил вистреливший, прося якого не вивести з його смерті в проч. Факт был на листе писано было наизявном рукой Архаліа Кобца. Труш і Младенцев, получив 30 рублів на асторію свого друга, ушли. Какою-же было удивлені Василь Кобца, когда он узнал, что родственник его Архаліа Кобець — жив и здоров. Письмо же оказалось подложным.

— **Нутна вря.** 19 октября произошедший по Мариново Благотворительный уезд, в дожд. № 44, дворянин Эрнст Оберский извещал, поспав, что 14-го и 19-го октября у него наизявном столе, посредством подобранных куч, совершена кража 600 руб. извещенных ценностей. Оберский заявил в дожд. на извещательного слушателя, испрошавшего из квартир у него мебели. По этому делу проводится зверичное следствие.

— **Блаженні на Сибірі.** На подолзкомі полукучі ринку поземних городонів задержано третіого дня невідомий чоловік. По підозрі на небажаний прорізок одягу. Задержаний оказался бязявним из Сибірі Прокторіа Металлическим, соціальним. туди в 1881 году за участь в ересьской поргорт.

— **Кража.** 19 октября по Ирвинскому переулку, из дожд. № 8, квартиры крестянина Михаила Рувинского, посредством злоумышленников от дверей, неизвестным злоумышленником проведена кража разной одежды и других вещей, на сумму до 50-ти рублів.

— **Пішки в Язю.** — ген.-майора Н. П. Тышкевича, отставившего из дожд. № 18, по Таврической улиці; из Петербурга — полковника В. Я. Маркова, остановившего в гостинице «Европа» в полковника А. Я. Кельчевский, отставившего из дожд. № 64 по Мариновскому Благотворительному уезду из Олонецкого г. А. К. Дунина-Борковича, из Житомира — полковника Г. С. Козенко из Петербурга — кам.-м.к. Дюра Его Иппер. Волж. барона Г. А. Пашар-фон-Пашау, отставившего из гостиницы «Континенталь».

— **Вышли ст. сов.** И. П. Самаринский — из Киевского; ст. сов. А. А. Ходосенский — из Жмеринку; ст. сов. И. В. Потхич — из Петербурга; полковник М. Н. Верещагин — из Чугуева; генер.-майор Н. Г. Вышевич — из Одессы; князь В. П. Долгорукий — из Чернигова.

Театр и искусство.

Новый театр «Соловьев». «Дядя Ваня». Сцену из деревенской жизни в 4-х действиях. Сов. А. П. Чехов. Если вы любите, так называемых, «цензурных» эффектов, если вы требуете от пьес прежде всего, чтобы она была хорошо «сдана», если, наконец, вы смотрите на театр как на нечто забытое, и притом притворно развлекательное забавно, то «Дядя Ваня» поставленный 19-го октября, вряд-ли удовлетворит вас. Но если, с другой стороны, вы человек с некоторым художественным чутьем и поэтическим пониманием, если вы идете от искусства к чему-то еще, если вас интересуют новые пути, то новые, иногда самые неожиданные направления и задачи, по которым движется человеческая мысль, стремитесь проникнуть в новые, новые формы жизни, если, одним словом, то к чему-то «высокому» и в частности драма еще не оставив своего последнего слова у нас в Русии, — то вы, наконец, увидите в театре пьесу «Дядя Ваня» удивительную, что не потеряли даром вечер. Последнее не являть, впрочем, что произведение А. Чехова принадлежит к числу таких серьезных и трудных вещей, в которых нужно, как говорится, «думаться» и рассуждать, а

что не «всплывет», да и не «всплывет», особенно поэт в трудных прозаических дая. Наоборот, если хотите, то деревенская сцена А. Чехова до артистичности проста, проста и не сложна, а между тем в состоянии выжить массу самых сложных и неожиданных ощущений у мало-мальски внимательного зрителя. Случалось ли быть в деревне? А если случилось, то не припомните ли вы себя в моменты, когда среди безбрежного затишья поля, или заросшего траншею воздуха, внезапно взошла волна святого запаха, аромата, какой-то особым приятным запахом? Но какой именно? Вы этого не в силах определить. Вы чувствуете только, быть может, странное, но вместе с тем хорошее ощущение чего-то нового, в чем не слышал вы нарастающая городскими миазмами грудь. Ничто подобное не слышалось, когда смотрели на «Дядю Ваню» или «Сцену из деревенской жизни» как сиюминутно оживших авторов. Но эти трюки и эффективные, «цензурные» партии чужды новым и хорошим дая на нас от действительно художественных сцен деревенской жизни, воспринятых автором. К таким сценам нужно отнести в особенности первую и последнюю сцены: первую — когда заканчиваются под однообразное омыканье нашей Маринов (г-жа Виноградова) пылать: «целуй, целуй, целуй...» и «небавим, где в одной рабочей комнате обрывается душа деревенской семьи, проводившая городские гости.

Эта последняя сцена так и пролетела на подмостки во всех оловых мельчайших подробностях, вот эти — Телігінні (г. Богданов), Волоніа (г-жа Аграмова), наша Марша (г-жа Виноградова), дядя Ваня (г. Рощин-Иисаров) и, наконец, Соня (г-жа Насхадина), только что проводившая навсегда любимого человека и в смиренной горести плачущая еще горе-у дядиных колінь — все это, пестрясь, так и пролетело на сцену, невольно захватывая и открывавших зритель восторг, своей простотой. Но г. Чехов, кроме того, удивительный и реальный художник.

В глубоком залюбовании, современную деревню от молодой горюющей семьи, да не какую-либо, а «целую, интеллигентную», так сказать, из лиц г. профессора (г. Борисов) извещать искусство из оловых и его молодой жены (г-жа Намкрович). Извещать от городских гости в дядю Ваню, мирно трудившемуся до той поры с Соней, «миллионером» старухой-матерью, с дядей, да с обидчивым и наивным Телігінні, приехали и сразу перевернули все эту деревенскую жизнь, прихвативши «добавочку» еще и приятеля дяди Вани, деревенского врача Астрова (г. Нехвиль). И страшное дело! Перевернули они все вверх дном! Единственно своим «миллионером», своей дядей, своей полной беззащитностью для деревни, да и для города, стали сказать. Деревня требует порядка, деревня требует работы и затишья режима, но какой-то тут режим и порядок, когда, начиная с самовара, безтолково стояного на стол по дымным чаем и вончая вончая обидчивая мать — все и все чувствуют себя забытыми и забыты. Безпомощно и правдивые гости-родственники, занимающиеся только дном и спаньем, да безпомощными разговорами, в конце концов садятся на свои залюбованные обитательные, и садятся так основательно, что добродушный адорный работник дядя Ваня начинает выпивать и ничего не думать. Тогда самое происходит с доктором, который забывает о своей любимой дяде, о своих

больших и начинаешь «запивать».

Ничто мелькающая фигура молодой, скачущей, здоровой и ничего не делающей женщины-профессорши, доводит, наконец, деревенских, здоровых людей до воступления. Эти деревенские медведи, которых раньше в голову не приходила всякая «любовь» и волюнтарство, настойчиво начинают добиваться у проф. сирин, «взаимности». Получается, в конце концов, что знает, что такое. Дядя доводит до того, что добродушнейшим и добрейшим дядя Ваня стреляет в беззащитность из беззащитности, старого профессора, и никак не простит себе не можеть, что помахнулся. Доктор, превосходный врач, доктор, милый и умный человек, да тоже так раздвигая прости мо-лодой профессорши, что ради неа он почти основательно отнимается от счастья, от милой, умной, любящей и серьезной «жизни». Но, сыня Бог, безотказная усталость, гости уезжают и наши деревенские милостивцы опять принимаются за свою тихую и скромную, но частую и тончайшую работу. Какой-же результат получается в конце концов, от всего этого сыня сиринского, не эффективного привнесения? А тот, что зритель невольно задумывается, над судьбой этой оловой нашей деревни, невольно предвещает умственными очами востать и «городской» вопрос. Умиротворенный тайн, что деревня, все-же, опять привнесла за работу, умный, сыня горячую и наивную вину страдающей Соня в то, что недалеко и скоро лучшее будущее, городской артист в тоже время должен невольно призадуматься, захватив отступить из города эта беззащитная старая ученость, этого профессора со своей женой. Ну-ка-же города только и существуют для всех подобных мирских заботливости, для «заботливости» поистине выражению г. Наталь-гайда, в то время, как работники должны захватить где-то и обратиться в «чужаков». Да, много и много не беззащитных размышлений и много эстетического удовольствия может доставить любителям искусства произведение А. Чехова. Конечно не теми любителями, которые ходят в театр специально для развлечения. Но будем надеяться, что у нас найдется не мало и других.

Приходи к постановке и исполнению, мы должны отдать полную справедливость деревне театра.

Как в общепринятую, так в частностях, было вымощено, добродушное и даже любовное отношение к пьесе. Последнее, надо сказать, нас особенно удивило. Ибо, признаюсь откровенно, мы всегда считали и не без оснований считали театр проводником пьес другого сорта... (Честно признаться, будем, если мы в будущем раз будем падать в подобные же ошибки. Артисты, каждый на отдельности, пусть отдают нам полную справедливость, чтобы и только прилагая свои роли. Г-жа Намкрович, в роли молодой профессорши и жены старого мужа, с бле-

шой выдержкой и тактикой провела сдвиги до самой последней сцены прощания с доктором. Хероша, безусловно хороша, была г-жа Насхадина в роли Соня, очень и очень подходящая в ее темпераменту и дарованиям, но... нам кажется, что могла бы быть еще лучше, а где, — об этом поговорим, при случае еще раз. Очень хорошо был г. Богданов в роли обидчивого помешанного-примамки и г-жа Виноградова в роли: старые и опытные артисты чувствовали и в гриме и в умысле держать себя на опыте в этих не легких ролях. Г. Рощин-Иисаров и г. Нехвиль, равно как и г. Борисов, в роли профессора, неуживались каждый на отдельности облож похвалы и особым застыван по поводу их игры, но, с одной стороны, нам отчетливо казалось, а с другой — Юлиса заслужить обыкновенный упрек в том, что мы артистам будто-бы «стали отнимать», а песню последующей премудрости Космій Пруткову, который говорил: «если у тебя есть фонтан, то лети его, дай и фонтану время отдохнуть»...